

МОЯ РАБОТА НАД ОБРАЗОМ ЛЕНИНА

★

А. БУЧМА

★

Я постараюсь рассказать, как я работал над сценическим образом Ленина.

Я принадлежал к той счастливой пятерке, которой было поручено впервые создать сценический образ Ленина. Известие об этом меня потрясло. Я испугался. Я считал, что это невозможная вещь. Как же создавать то, что неповторимо, и какими средствами?

Память о вожде так свежа, близка. Есть люди, которые лично знали Ленина. Как же я буду его играть, а эти люди будут сидеть, смотреть? Но играть нужно. Для тех, кто знал Ленина, нужно, чтобы они его еще раз вспомнили. Тем, кто Ленина не знал, не видел, нужно Ленина показать.

С таким настроением я приступил к работе. Но где пьеса? Мне говорят: пьесы нет, она еще только пишется. А что мне делать? Собирать материал и готовиться. Я и начал собирать материал.

По имеющимся у меня материалам я представил себе внешний облик вождя, но они не дали мне возможности внутренне ощутить Ленина. Я получил командировку в Москву для работы в Центральном музее Ленина.

Работал я в музее 8 дней напролет. В первый день я обежал весь музей, увидел столько экспонатов, что у меня в голове получился сумбур. Я задал себе еще один вопрос: а с какими знаниями, с каким багажом я буду создавать на сцене образ вождя? Я люблю Ленина, я люблю свое искусство, я чувствую, что мог бы его создать. Но как создать? Как познать Ленина-человека? Тут я понял, что нужно прежде всего познать Ленина-вождя. А как это сделать? Это можно сделать, только изучив ленинизм. Только таким путем я могу дойти до Ленина-человека. Я занялся изучением трудов Ленина.

Приехал я в Киев с большим багажом. Тут было все—литература, фотографии, зарисовки. Скоро моя комната в гостинице превратилась в маленький ленинский музей. Я имел все бьюты работы Андреева, у меня было около 100 его зарисовок, которые я заснял в музее, были пластинки. Хуже было с пленкой—на Украине я мог найти только несколько кусочков пленки.

В начале работы я не интересовался внешним, не интересовался гримом, — я интересовался внутренней жизнью вождя. Работал над кинопленкой я таким образом: я пускаю ее, беру какое-то движение, потом останавливаю и, как анатом, стараюсь найти причину этого движения. Работая таким образом над материалом, сживаясь с ним, я все больше и больше начинал ощущать Ленина. Было страшно трудно. Даже в этот период была масса сомнений. Я несколько раз обращался к автору, говорил, что не могу, не буду работать. Но каждый раз с удвоенной силой возвращался к своей работе.

Пришел очень важный и трудный момент — изучение речи Владимира Ильича. В моем распоряжении было пять или шесть пластинок. Я работал с компози-

тором. Мы начали речь Владимира Ильича анализировать — почти писали ноты, целые схемы интонаций, модуляций. Создали себе схему речи Ленина. Когда она была готова, подложили под нее украинский текст, — украинский текст никак не ложился. Началась новая работа.

После того как я получил уверенность, что я нашел черты внутреннего образа, я приступил к гриму. Я должен сказать, что первый грим, который я делал, был абсолютно неудачным. Я решил тогда, что, видно, внутренне я еще не пришел к образу. Я отбросил грим и начал снова работать; через некоторое время опять приступил к гриму. Я владею техникой грима довольно сильно, и мне не очень трудно было сделать абсолютно схожий грим. Добиться портретного сходства с Владимиром Ильичем. Но получалась маска, получалось неживое лицо. Тогда я решил снять грим совсем и только прибегнуть к необходимым наклейкам. Это было трудно. Самое главное — глаза. Очень много мы работали с гримером Л. В. Гороховским. Было сделано около сотни бород и усов. Одновременно работали над глазами, — нашли способ изменить глаза. Когда это было закончено, сделали наклейку бороды и усов.

Готовясь к спектаклю, я не репетировал. Я работал самостоятельно, потому что я не могу представить себе, как можно такую роль репетировать. Казалось, что даже актеры, мои партнеры, должны верить, что перед ними не Бучма, а Ленин. Иначе это меня выбьет, и я не смогу правильно сыграть роль Владимира Ильича. После большой подготовки я выступил на сцене сразу, без репетиций. Комиссия, приехавшая из Москвы, приняла мою работу без замечаний.

За 32 года своей работы я сыграл около тысячи ролей. Из этой тысячи не менее двадцати ролей программных, где я ставил и разрешал какие-то проблемы. Конечно, в каждой своей работе я волновался, — какая-то сценическая лихорадка, вероятно, присуща всем актерам, — но проходит день или два, оживаешь, проверяешь свою работу на публике, волнение кончается и работаешь спокойно. Роль Владимира Ильича я сыграл уже 180 раз, каждый раз у меня колоссальное волнение, учащенный пульс. Перед тем как идет «Правда», я два-три дня ничего не играю. В день спектакля совсем никуда не хожу.

Я хотел бы еще сказать, как работа над пьесой отразилась на всем коллективе. Был такой случай. Я выхожу на сцену и забываю взять блокнот. Вдруг вижу: с одной и с другой стороны — и режиссер, и актер, игравший роль матроса, — взволнованно подают мне блокнот. Весь коллектив чувствует ответственность за работу. Надо, чтобы не только мы, но и драматурги с такой же ответственностью относились к своей работе.

Пока еще мы, актеры, не создали настоящего образа Ленина. Но мы будем стремиться к тому, чтобы создать настоящий, монументальный образ вождя — образ Владимира Ильича Ленина и образ Иосифа Виссарионовича Сталина.

Из речи т. А. Бучмы на научно-творческой конференции, посвященной образу В. И. Ленина в искусстве.